

ПАНКОВА
Александра Андреевна

бакалавриат, Смоленский государственный
университет (Смоленск, Россия),
sovapankova@yandex.ru

ПРОМЕТЕЕВСКИЕ ПОДТЕКСТЫ В ЛИРИКЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Научный руководитель:

Каяниди Леонид Геннадьевич

Рецензент:

Лебедев Александр

Александрович

Статья поступила: 26.09.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматриваются аллюзии на миф о Промете в лирике В. К. Кюхельбекера, возникающие в стихотворениях «К Промефею», «Они моих страданий не поймут...», «До смерти мне грозила смерти тьма...». Цель нашего исследования – рассмотреть рецепцию мифа о Промете в творчестве поэта-романтика. В статье используются сравнительно-сопоставительный, образно-парадигматический, мотивно-тематический и подтекстуальный методы. В лирике Кюхельбекера Прометей предстает как страдающий титан, культурный герой и демиург; для Кюхельбекера характерно возникновение образной парадигмы «поэт → Прометей».

Ключевые слова: В. К. Кюхельбекер, Гёте, Прометей, мифопоэтика, русский романтизм, подтекст, античные мотивы, образная парадигма

Для цитирования: Панкова А. А. Прометеевские подтексты в лирике В. К. Кюхельбекера // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 138.

В.К. Кюхельбекер (1797–1846), один из русских поэтов-романтиков, член Северного тайного общества, участник восстания на Сенатской площади [Королева: 10], неоднократно обращался к мифу о Промете. Так, образ античного титана возникает в двух его пьесах («Ижорский» (1826–1841) и «Иван, купецкий сын» (1832–1842)) и трёх лирических стихотворениях («К Промефею» (1820), «Они моих страданий не поймут...» (1839), «До смерти мне грозила смерти тьма...» (1845)). В качестве материала исследования мы привлекли лирические тексты Кюхельбекера с прометеевскими аллюзиями и сопоставили их с античными и новоевропейскими (русскими, немецкими и английскими) произведениями, касающимися прометеевского мифа и соотносимыми с творчеством Кюхельбекера.

Прометеевские подтексты у Кюхельбекера до сих пор оставались вне поля исследовательского внимания. Н.А. Котляревский лишь вскользь говорит о Промете в контексте жизненных трудностей поэта: «Кюхельбекер сравнивал себя с Прометеем, заклеванным воробьями...» [Котляревский: 268]. У К.И. Казьменко [Казьменко, 1951] не содержится даже упоминания о Промете у поэта-романтика. А.Ф. Лосев фрагментарно анализирует два стихотворения Кюхельбекера («К Промефею» и «Они моих страданий не поймут...»), говоря об отсутствии революционного пафоса в рассматриваемых произведениях: «У Кюхельбекера, писавшего в атмосфере назревающего декабризма, Прометей покамест еще прародитель поэзии и вдохновитель человечества на лучшие мечты и подвиги» [Лосев: 277]. Отсутствие исследований о рецепции прометеевского мифа одним из главных представителей русского «высокого» романтизма делает нашу тему безусловно актуальной. Новизной нашей статьи является изучение трансформации мифологического

сюжета о Промете и его образа в лирике Кюхельбекера. В ходе анализа были использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный (мы сопоставили переосмысленный в стихотворениях Кюхельбекера миф о Промете с древнегреческими сюжетами), образно-парадигматический (одним из ключевых аспектов исследования является анализ образных парадигм, характерных для творчества романика), мотивно-тематический (был проведён анализ мифологических мотивов и тем, отражённых в стихотворениях Кюхельбекера), подтекстуальный (мы изучили античные и новоевропейские подтексты лирики поэта).

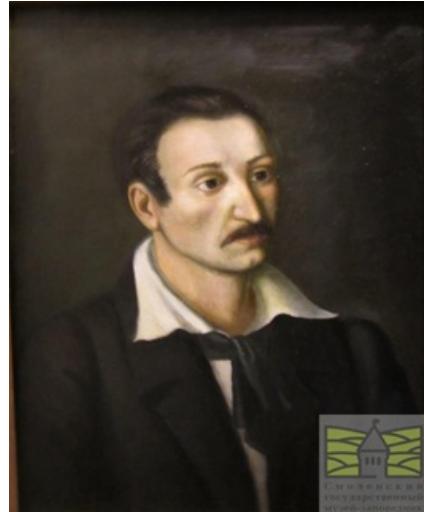


Рис. 1. Назаренко Т.Г. Портрет Вильгельма Карловича Кюхельбекера в 1823 году ¹

Наше исследование имеет известную научно-практическую ценность: его результаты могут быть использованы в практике школьного и вузовского обучения на занятиях, посвящённых античной мифологии, раннему русскому романтизму, биографии и творчеству Пушкина. Целью нашей статьи является рассмотрение рецепции мифа о Промете в лирике Кюхельбекера. Для выполнения данной цели необходимо решить следующие задачи исследования:

- 1) рассмотреть переосмысление мифа о Промете в стихотворении «К Промефею»,
- 2) изучить функцию прометеевского мифа в стихотворении «Они моих страданий не поймут...»,
- 3) определить прометеевский субстрат образно-парадигматической структуры стихотворения «До смерти мне грозила смерти тьма...»,
- 4) выявить особенности рецепции мифа о Промете в произведениях поэта.

* * * * *

Известно, что стихотворение «К Промефею» возникло под влиянием впечатлений от встречи Кюхельбекера с Гёте. Её описание содержится в письме русского поэта от 10 ноября 1820 г.: «Вчера вечером приехали мы в Веймар, в Веймар, где некогда жили великие: Гёте, Шиллер, Гердер, Виланд; один Гёте пережил друзей своих. Я видел бессмертного; я принес ему поклон от Клингера. Гёте росту среднего, его черные глаза живы, пламенны, исполнены вдохновения. Я его себе представлял исполином даже по наружности, но ошибся. Он в разговоре своем медлен: голос тих и приятен; долго я не мог вообразить, что предо мною гигант Гёте; говоря с ним об его творениях, я однажды даже просто его назвал в третьем лице по имени. Гёте знает нашего Толстого из работ его и любит в нем великого художника. Казалось, ему было приятно, что Жуковский познакомил русских с некоторыми его мелкими стихотворениями. О нашем разговоре не много могу сказать вам, друзья мои: я был у него недолго; надеюсь, что он завтра несколько будет доступнее, а я смелее» ². «Восторженное

стихотворение, воспевающее великого поэта, как Прометея», которое Кюхельбекер на прощание с Гёте посвятил немецкому драматургу [Мордовченко: 388], было создано в декабре того же года, что и письмо. Встреча с Гёте оказала большое влияние на творчество Кюхельбекера: согласно Тынянову, «его гекзаметрические элегии 20-х годов носят следы влияния Гете...» [Тынянов: 23]. Гёте у Кюхельбекера подобен Прометею: «Меж певцов земли Туискона создатель / Лёгких, могущих духов, в коих бессмертная жизнь! / Ты им поведал все струны сердец, поведал вселенну»³.

Туискон – родоначальник германских племён в немецкой мифологии [Королева: 618], на земле которых творит Прометей – божественный художник. Стихотворение Кюхельбекера основано на образной парадигме «Гёте → Прометей». Образ титана-демиурга переосмысляется романтиком. Для древнегреческой мифологии характерен синтез мужского и женского начал в создании человеческого рода: Прометей вылепливает из глины статуи людей, а Афина наделяет скульптуры душой. Так, согласно Лукиану Самосатскому, «Прометей выдумал людей <...> и вылепил их <...> частично сотрудничала также Афина, вдохнувшая жизнь в глину и вложившая душу в лепные изображения»⁴. У Фульгенция богиня мудрости помогает титану подняться на небо, где он добудет огонь из солнечной колесницы, которым оживит людей [Протопопова: 50]. В стихотворении же Кюхельбекера Прометей – «самостоятельный» демиург «духов», под которыми можно понимать либо созданий творческого гения Гёте («...оны из твоей вечноцветущей души / Роем взвились...»⁵), либо писателей, испытавших влияние поэта. У русского романика Прометей – творец художественного мира («лёгких, могущих духов»). Гёте отождествляется с античным титаном: произведения немецкого писателя «оживляют» вдохновением других авторов, как божественный огонь – глиняные статуи людей. В образе Гёте сочетаются функции Прометея-демиурга и Прометея-культурного героя. Титан как культурный герой изображается в трагедии Эсхила «Прометей прикованный»: «всё от меня [Прометея] – искусство, знанье, мудрость!»⁶. В стихотворении Кюхельбекера титан наделяет людей знаниями о мире («поведал вселенну») и душах других людей («поведал все струны сердец»). В новоевропейской литературе две функции титана тоже сочетаются: в драматическом отрывке Гёте «Прометей» мифологический герой создаёт человечество и обучает его ремёслам и труду⁷.



Рис. 2. Акимов И.А. Прометей делает статую по приказанию Афины ⁸

Кроме того, в стихотворении Кюхельбекера Гёте-Прометей предстаёт создателем мира

художников, которые идут за его творческим гением: «Сильный, божественный – ты, / Твой Пирифой, твой Шиллер, и Гердер – мудрец-песнопевец, – / Чарами сладостных лир сердце моё вы зажгли!»⁹.

В стихотворении возникают следующие образные парадигмы: «Гёте → Прометей», «Шиллер → Пирифой», «Гердер → Орфей». Гердер, немецкий философ и поэт, отождествляется с Орфеем, мифическим стихотворцем и легендарным основоположником религиозно-философского течения – орфизма. Ещё одно сходство состоит в близости Орфея и Гердера к фольклору: в образе мифологического певца «персонифицировался самый процесс устного народного творчества» [Борухович: 137], немецкий поэт способствовал развитию фольклористики: «<...> Гердер ищет непосредственного выражения "природы" и подлинного "чтения" в остатках первобытной культуры и в творчестве патриархальных народных масс, не тронутых разлагающим влиянием современной цивилизации. Этим он положил начало включению фольклорного и этнографического материала в историю литературы» [Жирмунский: 8].

Шиллер подобен Пирифою. Чтобы понять это отождествление, мы должны учесть, что сам Гёте подобен Тесею (парадигма «Гёте → Тесей»). Пирифоя и Тесея связывает мифологический сюжет о похищении Елены Троянской¹⁰. Подобно Тесею, выводящему Елену из подземного мира, в своей трагедии «Фауст» Гёте изображает Елену как символ античности: «Прекрасна идея изобразить в идеальной свадьбе Елены и Фауста сочетание античного искусства с новейшей поэзией...» [Каро: 31]; «...Елену он, бедняк, / Здесь ищет; он добыть Елену хочет!»¹¹. Гёте-Тесей и Шиллер-Пирифой являются основоположниками веймарского классицизма. Это литературное течение зиждилось на подражании античности, символом которой являлась фаустовская Елена Троянская, выведенная из царства мёртвых. Таким образом, творениями Гёте-Прометея являются немецкие авторы (Шиллер, Гердер), испытавшие влияние драматурга.

Лирический герой Кюхельбекера находится среди духов немецких философов и писателей, которые, подобно Прометею-Гёте, наделены творческой мощью. Они «чарами сладостных лир» зажгли сердце лирического субъекта, вызвав в нём тягу к поэтическому творчеству, а Гёте-Прометей наделил лирического героя талантом писателя: «Песнелюбивое племя славян услышит с любовью / Арфу, которую ты в светло-святые часы / Подал юноше мне, – я буду тобою бессмертен»¹².

Лирический субъект просит у Гёте-Прометея принять «всё его лучшее в дар – / Не удивленье одно, но любовь и звуки простые / Робких ещё, но тобой смело настроенных струн!»¹³. Гёте-Прометей в finale стихотворения снова предстаёт в ипостаси культурного героя, который одарил лирического субъекта поэтическим талантом, «прапорителем поэзии и вдохновителем человечества на лучшие мечты и подвиги» [Лосев: 277].

В основе еще одного «прометеевского» стихотворения Кюхельбекера «Они моих страданий не поймут...» лежит образная парадигма «Кюхельбекер → Прометей-страдалец»: «Не говорите мне: "Ты Промефей!" / Тот был к скале заоблачной прикован, / Его терзал не глупый воробей, / А мощный коршун»¹⁴.

Лирическому герою-поэту не хватает свободы и покоя: «...Есть силы, нет мне воли. / Хоть миг покоя дайте! – нет и нет!». Его посещает вдохновение: «Вот вспыхнуло: я вспрянул, я поэт; / Божественный объемлет душу пламень, / Толпятся образы, чудесный свет / В глазах моих...»¹⁵. Для интерпретации «огненной» метафоры «божественный объемлет душу пламень» важен контекст прометеевского мифа. В его свете «пламя» может быть понято как огонь Прометея, принесённый в дар человечеству титаном – культурным героем. Прометей дал человечеству возможность свободно распоряжаться похищенным огнем, чтобы люди

научились наукам и искусствам¹⁶.

Кюхельбекер «рисует тяжелейшую обстановку своей жизни в ссылке, где он окружен мелкими людьми и их ничтожными интересами...» [Лосев: 277]: «...и всё напрасно: нет! Пропало всё!»¹⁷, «Но я увяз в ничтожных, мелких муках, / Но я в заботах грязных утонул!»¹⁸ Лирический герой «готов даже немедленно умереть, чтобы избавиться от окружающего его ужаса» [Лосев: 277], препятствующего творческим порывам поэта: «Добро бы с неба камень / Мне череп раздоил, или перун / Меня сожёг: последний трепет струн / Разорванных вздохнул бы в дивных звуках / И умер бы, как грома дальний гул; / Но я увяз в ничтожных, мелких муках, / Но я в заботах грязных утонул!»¹⁹. «Убийственные объятия огромного несчастья» отнимают жизнь, но не душу («Ты выжмешь жизнь, не выдавишь души»), гибнущую в замкнутом круге несущественных неприятностей, в котором оказался лирический герой: «Но погибать от кумушек, от сватий, / От лепета соседей и друзей!..»²⁰. При этом поэт одновременно как отождествляет себя со страдающим Прометеем, так и противопоставляет себя титану: «Не говорите мне: "Ты Промефей!" / Тот был к скале заоблачной прикован, / Его терзал не глупый воробей, / А мощный коршун»²¹.

Мифологического героя за похищение огня приковывает Гефест к скале, куда ежедневно будет прилетать орёл и терзать Прометея²². В античной литературе орёл редко меняется на коршуна, например, у Лукиана Самосатского: «Тебе шестнадцать коршунов должны не только терзать печень, но и глаза выклёвывать за то, что ты создал нам таких животных, как люди, похитил мой огонь, створил женщин!»²³, а также у Петрония: «Этот коршун, впивающийся в печень, / Раздирающий грудь нам и утробу, – / Не красивая выдумка поэтов, / А душевный недуг: разврат и зависть»²⁴. Двоение образа орнитологического мучителя Прометея связано с двумя его наказаниями: одно было в Аиде после низвержения скалы в подземный мир в конце «Прометея прикованного», другое – на земле, после возвращения Прометея в мир живых вследствие заместительной жертвы кентавра Хирона, раненного отравленной ядом Лернейской гидры стрелой Геракла. «Коршун – это мифологическая метаморфоза орла, которая совершается тогда, когда действие перемещается в Аид, мир смерти и тьмы. Орёл и коршун – это две ипостаси единого орнитологического образа, различающиеся на основе пространственных и экзистенциальных категорий "верх, небо, свет, жизнь / низ, земля, тьма, смерть"» [Каяниди, 2021: 259]²⁵. Лирическому герою Кюхельбекера не дают покоя повседневные заботы, подобные ничтожному «глупому воробью» (парадигма «бытовая рутина → воробей») и противопоставленные великим страданиям Прометея, которые символизирует коршун (парадигма «страдания → коршун»).

Здесь уместно вернуться к уже процитированному отрывку: «Добро бы с неба камень / Мне череп раздоил, или перун / Меня сожёг...»²⁶. Этот отрывок следует интерпретировать в свете прометеевского мифа. В finale «Прометея прикованного» Эсхила Зевс, разгневанный отказом титана открыть свой секрет, ударяет молнией о скалу и низвергает Прометея в Аид: «Сказать того, что знаю, не заставит / Меня мой враг ни хитростью, ни злобой, / Пока цепей не снимет. Пусть же Зевс / Испепелит меня огнями молний, / Обвеет снегом белокрылых вьюг, / Разрушит мир подземными громами...», «Исполняется слово Зевеса: земля / Подо мною трепещет. / Загудело раскатами эхо громов, / Пламя молний сверкает...». Кроме того, ламентация Кюхельбекера сродни жалобам Прометея на бесконечный характер его мучений, связанный с его бессмертием: «Посмотрите: я здесь, / На позор пригвожденный, / Сторожить буду вечно / Острие этих скал»²⁷.



Рис. 3. Вениг П.К. Прикованный Прометей [28](#)

Еще одно лирическое признание поэта находится в русле прометеевского мифа: «Был я очарован / Когда-то обольстительной мечтой; Я думал: кончится борьба с судьбой, / И с нею все земные испытанья; / Не будет сломан, устоит борец, / Умрёт, но не лишится воздаянья / И вырвет напоследок свой венец / Из рук суровых, – бедный я слепец!»²⁹. «Борьба с судьбой» соотносится с противостоянием Зевса и Прометея, который был низвержен в мир смерти, но не преклонился перед Зевсом, устоял в борьбе и не был сломлен и в конечном итоге получил от Зевса («из рук суровых») «свой венец». Прометей после освобождения вынужден носить венок, чтобы вечно помнить о страшном наказании, люди в его честь тоже носят это украшение: «Геракл принес из страны гипербореев дикую маслину, из которой по обычанию сплетали венок, служивший наградой победителю на Олимпийских играх (Pind. Olymp. III, 16-60). Так как Зевс поклялся никогда не освобождать Прометея от его оков, Геракл заменил стальные оковы Прометея символическими оковами — венком из оливы. Поэтому греки объясняли обычай ношения венков и гирлянд, а также колец из металла как знак памяти о благодетеле человечества, Прометею, носившем оковы среди скал Кавказа» [Борухович: 53].

Кюхельбекер соотносит себя с Прометеем, и вновь это сопоставление носит негативный характер. «Судьба берет меня из стен моей темницы, / Толкает в мир»³⁰. По всей видимости, имеется в виду освобождение мятежного декабриста из Свеаборгской крепости и отправка его на поселение в Сибирь [Королева: 641]. Кюхельбекер надеялся, что наказание за участие в восстании декабристов станет главным его испытанием и после него последует примирение с судьбой. Однако это оказалось не так. Трагическое признание «бедный я слепец» наполнено двойным смыслом, в котором биографический подтекст соотносится с прометеевским мифом, и вновь в негативном ключе, «от противного». Кюхельбекер называет себя слепцом, потому что он обманулся в своих надеждах и потому что в ссылке постепенно лишился зрения. При чём же здесь Прометей? Тут нужно вспомнить, что имя мятежного титана обозначает «промыслитель». Он был наделен даром предвидения. Кюхельбекер же лишен даже физического зрения: «А мой-то мир исчез, как блеск зарницы, / И быть нулем отныне мой удел!»³¹.

Третим произведением Кюхельбекера, в котором возникают аллюзии на прометеевский миф, является стихотворение «До смерти мне грозила смерти тьма...». В нем Кюхельбекер увековечивает память об ушедших великих русских поэтах. Начинается оно, словно в пандан стихотворению «Они моих страданий не поймут...», с мотива слепоты: «Я устремлю свои слепые очи / В глухую бездну нерассветной ночи». «Смерти тьма», которая

угрожает поэту до наступления смерти, как раз и есть эта слепота. Однако она же позволяет обрести духовное зрение: «Зато очами духа узрю я / Вас, веющие таинственные тени, / Вас, рано улетевшие друзья, / И слух склоню я к гулу дивных пений, / И голос каждого я различу, / И каждого узнаю по лицу»³².

Одним из таких «рано улетевших друзей» был А.С. Пушкин. Кюхельбекер называет его «новым Прометеем»: «И вот другой: волшебно-сладкогласный / Сердцец властитель, мощный чародей, / Он вдунул, будто новый Промефей, / Живую душу в наш язык прекрасный... / Увы! погиб повременно певец: / Его злодейский не щадил свинец!»³³. Что Кюхельбекер имеет в виду не названного напрямую Пушкина, говорит мотив безвременной смерти от пули, характеристики «волшебно-сладкогласный», «мощный чародей». Формируется образная парадигма «Пушкин → Прометей-демиург». Пушкин, будучи создателем русского литературного языка, сравнивается с Прометеем-демиургом, а язык отождествляется с глиняными статуями создателя людей. Мотив одухотворения Прометеем своих созданий присутствует как у античных авторов, так и у Гёте. Согласно античным источникам, Прометей оживляет людей либо самостоятельно небесным огнём³⁴, либо при содействии других богов: «Вулкан по приказу Юпитера сделал из глины изображение женщины, а Минерва дала ей душу»³⁵ [Гигин: 194] (Вулкан/Гефест в античной мифологии тождественен Прометею [Каяниди, 2023: 170-179]). В незавершённой драме Гёте «Прометей» статуи людей Прометей оживляет совместно с Афиной: «Минерва, дочь твоя, / С мятежным заодно, / Открыв ему источник жизни, / Одушевила все его созданья...»³⁶.

* * * * *

В стихотворении «К Промефею» объединены две ипостаси античного титана: демиург и культурный герой. Кюхельбекер переосмысляет миф о сотворении людей Прометеем: в древнегреческих и древнеримских источниках, а также в новоевропейской литературе титан создаёт статуи людей, а Афина/Минерва оживляет их. В произведении Кюхельбекера обе функции выполняются Прометеем без участия женского начала. Прометей отождествляется с Гёте, учителем и вдохновителем великих немецких поэтов.

Стихотворение «Они моих страданий не поймут...» отражает трагическую судьбу самого Кюхельбекера. Лишённый зрения поэт, находящийся в ссылке, тяготящийся ограниченным обществом, хочет быть похожим на Прометея. В произведении Кюхельбекера происходит мифологическое переосмысление его собственной биографии. Он соотносит фрагменты и детали мифа о мятежном титане с событиями из своей жизни. Кюхельбекер хотел бы быть Прометеем. Он подобен мифологическому герою, но не является им, вследствие чего возникает отрицательное сопоставление Кюхельбекера с Прометеем.

В стихотворении «До смерти мне грозила смерти тьма...» возникает образная парадигма «Пушкин → Прометей-демиург». Пушкин отождествляется с Прометеем. Титан создаёт скульптуры людей, поэт – русский литературный язык и вдыхает в него жизнь, подобно Прометею. Кюхельбекер снова переосмысляет миф о создании человеческого рода: титан в очередной раз представлен самостоятельным демиургом в отличие от героя античных текстов, создающего людей совместно с богиней мудрости.

В лирике Кюхельбекера Прометей предстает во всех своих традиционных ипостасях – и как страдающий титан, и как культурный герой, и как демиург. Для рецепции прометеевского мифа русским поэтом-романтиком характерно включение античного титана в состав образных парадигм, которые строятся по модели «поэт → Прометей». Осмысление Прометея не как демиурга, а как художника восходит к Гёте и свидетельствует о влиянии немецкого поэта на рецепцию мифологического образа Кюхельбекером.

Примечания

- ¹ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9065676> (дата обращения: 30.09.2025)
- ² Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 618.
- ³ Там же. С. 136
- ⁴ Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 18.
- ⁵ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ⁶ Эсхил. Скованный Прометей // Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского: В 24 т. Т. 20. Москва: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 30.
- ⁷ Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1977. С. 81.
- ⁸ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=49303623> (дата обращения: 30.09.2025)
- ⁹ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ¹⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1994. С. 19.
- ¹¹ Гёте И.В. Фауст. Москва: АСТ, 2023. С. 304.
- ¹² Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 137.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 297.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Эсхил. Скованный Прометей. С. 16, 30.
- ¹⁷ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Эсхил. Скованный Прометей. С. 11, 50.
- ²³ Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 92.
- ²⁴ Петроний Арбипр. Сатирикон. Фрагменты // Римская сатира. Москва: Художественная литература, 1989. С. 237.
- ²⁵ Примечательно, что большая часть русских писателей-романтиков отдаёт предпочтение не традиционному орлу, а коршуну: «Иль жив доселе коршун Прометея, / Не разрешен с Зевесом старый спор...» (А.А. Григорьев, «Старинные, мучительные сны!..» 1846 г. Цит. по: Григорьев А.А. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. С. 96); «Увы! и я, как Прометей, / К скале прикована своей, – / Мне коршун-горе сердце гложет... (Малоизвестный русский поэт-романтик Ю.В. Жадовская, «Увы! и я, как Прометей!..», 1857 г. Цит. по: Жадовская Ю.В. Увы! И я, как Прометей // Поэты 1840–1850-х годов. Ленинград: Советский писатель, 1972. С. 286); «Видали ль вы, как хищные и злые, / К оставленному трупу в тихий дол / Слетаются наследники земные, / Могильный ворон, коршун и орёл? / Так есть мгновенья, краткие мгновенья, / Когда, столпясь, все адские мученья / Слетаются на сердце – и грызут! / Века печали стоят тех минут. / Лишь дунет вихрь – и сломится лилея; / Таков с душой кто слабою рожден, / Не вынесет минут подобных он: / Но мощный ум, крепясь и каменея, / Их превращает в пытку Прометея! / Не сгладит время их глубокий след: / Все в мире есть – забвенья только нет!» (М.Ю. Лермонтов, «Измаил-Бей». Цит. по: Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Москва: Правда, 1988. С. 358-359). Рискнем предположить, что на русских поэтов первой половины XIX века оказывали влияние не только античные источники, но и великий Дж.Г. Байрон, который говорит в своем «Прометее»: «Скала и коршун... Гнёт оков...» (Цит. по: Байрон Дж.Г. Прометей // Избранная лирика. Москва: Радуга, 1988. С. 251).
- ²⁶ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.
- ²⁷ Эсхил. Скованный Прометей. С. 49, 52, 17.
- ²⁸ Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22481649> (дата обращения: 30.09.2025)

²⁹ Кюхельбекер В.К. Избранные произведения. С. 297.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 313.

³³ Там же. С. 314.

³⁴ Первый Ватиканский мифограф. Античная история. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 203.

³⁵ Гигин. Мифы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. С. 194.

³⁶ Гёте И.В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1977. С. 79.

Список литературы

Борухович В.Г. Примечания [к «Мифологической библиотеке»] // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Ленинград: Наука, 1972. С. 124-185.

Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные сочинения. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 458 с.

Казьменко К.И. Образ Прометея в художественной литературе: специальность 10.00.00. Филологические науки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1951. 14 с.

Каро Е. Философские теории второй части «Фауста» // Гёте И.В. Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей: В 10 т. Т. 2. Санкт-Петербург: зги 1878. С. 9-53.

Каяниди Л.Г. Орнитологическая символика (орел / коршу н) в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 245-269. DOI: 10.17223/19986645/71/15

Каяниди Л.Г. Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» и античная мифология Гефеста // Приношение: Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения: Fuga temporum. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 170-179.

Королева Н.В. В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 5-61.

Королева Н.В. Примечания [К избранным произведениям Кюхельбекера] // Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Москва; Ленинград: Советский писатель, 1967. С. 603-660.

Котляревский Н.А. Вильгельм Карлович фон-Кюхельбекер // Библиотека великих писателей. Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1915. С. 266-279.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1976. 367 с.

Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. Москва; Ленинград: АН СССР, 1959. 430 с.

Протопопова А.В. Сюжет о с сотворении людей в мифе о Прометео у Фульгениция / А.В. Протопопова, И.А. Протопопов // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 44-57.

Тынянов Ю.Н. В.К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В.К. Лирика и поэмы: В 2 т. Т. 1. Ленинград: Советский писатель, 1939. С. 5-80.

Alexandra A. PANKOVA

bachelor's degree, Smolensk State University (Smolensk, Russia),
sovapankova@yandex.ru

THE PROMETHEAN SUBTEXTS IN WILHELM KUCHELBECKER'S LYRIC POETRY

Scientific adviser:

Leonid G. Kaianidi

Reviewer:

Aleksandr A. Lebedev

Paper submitted on: 09/26/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. The article examines allusions to the myth of Prometheus in Wilhelm Kuchelbecker's lyric poetry, specifically in the poems "To Prometheus", "They Will Not Understand My Suffering...", and "Before Death, I was Threatened by Death's Darkness...". The aim of the study is to analyze how the myth of Prometheus is received and interpreted within the works of this Romantic poet. The research employs comparative analysis, figurative-paradigmatic, motivic-thematic, and subtextual methods. In Kuchelbecker's poetry, Prometheus is depicted as a suffering titan, a cultural hero, and a demiurge. The study also reveals a figurative paradigm "poet → Prometheus" as a unique feature of Kuchelbecker's lyric poems.

Keywords: Wilhelm Kuchelbecker, Goethe, Prometheus, mythopoetics, Russian Romanticism, subtext, ancient motifs, figurative paradigm

For citation: Pankova, A. A. The Promethean Subtexts in Wilhelm Kuchelbecker's Lyric Poetry. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 138.

References

- Borukhovich V.G. Notes [to the Mythological Library]. In *Apollodorus. The mythological library*. Leningrad, Nauka, 1972, pp. 124-185. (In Russ.)
- Zhirmunsky V.M. The life and work of Johann Herder. In Herder J.G. *Selected works*. Moscow, Leningrad State Publishing House of Fiction, 1959, 458 p. (In Russ.)
- Kazmenko K.I. *The image of Prometheus in fiction*. Candidate's thesis (Philology). Moscow, 1951, 14 p. (In Russ.)
- Karo E. Philosophical theories of the second part of Faust. In Goethe J.W. *Collected works translated by Russian writers*: In 10 vols. Vol. 2. St. Petersburg, published by N.V. Gerbel, 1878, pp. 9-53. (In Russ.)
- Kaianidi L.G. Ornithological symbolism (eagle/vulture) in Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus". *Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, No. 71, pp. 245-269. DOI: 10.17223/19986645/71/15 (In Russ.)
- Kaianidi L.G. Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus" and the ancient mythology of Hephaestus. *Offering: To Aza Alibekovna Takho-Godi from grateful students and colleagues celebrating her 100th anniversary: Fuga temporum*. St. Petersburg, Aletheia, 2023, pp. 170-179. (In Russ.)
- Koroleva N.V. Wilhelm Kuchelbecker. In Kuchelbecker W.K. *Selected works*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Sovetsky pisatel, 1967, pp. 603-660. (In Russ.)
- Koroleva N.V. Notes [to Wilhelm Kuchelbecker's selected works]. In Kuchelbecker W.K. *Selected works*: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Leningrad, Sovetsky pisatel, 1967, pp. 5-61. (In Russ.)
- Kotlyarevsky N.A. Wilhelm Karlovich von Kuchelbecker. In Vengerov S.A., ed. *Library of great writers*. Petrograd, Brockhaus and Efron, 1915, pp. 266-279. (In Russ.)
- Losev A.F. *The problem of symbol and realistic art*. Moscow, Iskusstvo, 1976, 367 p. (In Russ.)
- Mordovchenko N.I. *Russian criticism of the first quarter of the 19th century*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, 1959, 430 p. (In Russ.)
- Protopopova A.V., Protopopov I.A. Creation myth and the Prometheus myth in Fulgentius. *Studia Litterarum*, 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 44-57. (In Russ.)

Tynyanov Yu.N. Wilhelm Kuchelbecker. In Kuchelbecker W.K. *Lyric poetry and other poems*: In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1939, pp. 5-80. (In Russ.)